

Шпенглер Освальд

**Закат Европы Освальд
Шпенглер**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-72

О-72 **Освальд Ш.**
Закат Европы Освальд Шпенглер: Том 1 / Шпенглер Освальд – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 499 с.

ISBN 978-5-521-31521-5

ISBN 978-5-521-31521-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часы. Формы погребения. Календарь. Эротика.—Государственное устройство и чувство времени: античная, египетская и западная идеи государственности.—Стоицизм и социализм: их связь с пластикой и музыкой.

Судьба и случай.—Причинность и предопределение.—Трагика случайного (Шекспир).—„Гикэ“ и стиль античного бытия.—Астрология и бракул.—Античная трагедия судьбы.—Логика истории: Колумб и испанский век.—„Эпоха“ и „эпизод“.—Анонимная и личная форма истории.—Судьба Наполеона.—Лютер.

Есть ли подлинная историческая наука?—Смещение физико-причинных и историко-физиогномических методов.—История, как „пронесс“.—„Голод и любовь“.—Социальная драма, как параллель к материалистическому историческому пониманию.—Отсутствие скепсиса.—Последние задачи.

III глава. Макрокосм. 170

А. Символика картины мира и проблема пространства —

Что такое символ?—Идея макрокосма.—Мир—итог символов по отношению к душе.—У каждого человека есть свой окружающий мир.—Пространство и смерть.—„Все проходящее есть только подобие“.—Проблема пространства.—Только глубина (третье измерение) образует пространство.—Теория Канта.—Независимость математики от созерцания.—Переменчивость картины видимого.—Множественность возможных родов пространства.—Глубина пространства=направление (время).—Идентичность переживания глубины с пробуждением внутренней жизни.—Идеальный тип протяженности: у каждой культуры свой прасимвол.—Западный прасимвол: бесконечное пространство.—Проблема Канта не существует для греков.—Евклидова аксиома о параллельных линиях и многочисленность структур пространства в западной математике.—Античный прасимвол: материальное отдельное тело.

Б. Аполлоновская, фаустовская и магическая душа 194

Олимп и Валгалла.—Магическое и фаустовское христианство.—Античный политеизм (Бог, как тело) и западный монотеизм (Бог, как пространство).—Египетский прасимвол—дорога.—Смысл архитектуры пирамид.

Множкий смысл искусства: подражание и символика (высказание мира и боязнь мира).—Всякое раннее искусство есть архитектура; камень и прасимвол.—Форма государственного устройства и архитектурные формы; выражение воли, заботливости, длительности.—Гогенштауфены и фараоны.—Внешняя архитектура и внутренность зданий.—Проблема стиля.—Единство и продолжительность жизни внутри одной культуры.—Египетский стиль, как образ истории стили.—Совпадение его фаз с фазами западного стиля.—Единство стиля от романской эпохи до стили империи.—Перенесение центра тяжести стили из изобразительных искусств.—Дорика и ионика, готика и барокко, как первоначальная и приближающаяся к старости фаза: одного и того же стили.—Задача науки об искусстве: сравнительные биографии больших стили.—Психология художественной техники.—Действительный объем арабского искусства: древне-христианское „позднее античное“ искусство, как начало, магическое, как поздняя эпоха.—Мозаика, арабеска.—Соединение круглой арки с колонной—арабский мотив.

IV глава. Музыка и пластика 227

А. Изобразительные искусства —

Невозможность разделения искусств по стационарным техническим принципам.—Музыка—изобразительное искусство.—Выбор среди воз-

можных внутри культуры искусств.—Тенденция всех античных искусств к круглой пластике (650—350).—Связь с эвклидовой геометрией.—Фресковая живопись, как первая ступень.—Между 1500—1800 г. г. соответствующее развитие инструментальной музыки.—Контрапункт и анализ: победа музыки над живописью и архитектурой: Рококо.

Характер Ренессанса, как антиготического (антимузыкального) движения.—Фрески и статуи во Флоренции определяются готическим чувством формы (пространство картины).—Линейная и воздушная перспектива.—Парк.—Исторический ландшафт.

Символика красок.—Краски переднего плана и дали.—Эллинская четырехкрасочная фреска.—Голубые и зеленые краски—краски пространства.—Трактование заднего фона: отрицание его в античной фреске, золотой фон мозаики, перспектива глубины в масляной живописи.—Незатушеванный мазок кисти у венецианцев, как выражение исторического чувства.—Коричневый тон Рембрандта.

II. Изображение нагого тела и портрет 266

Античный и западный идеал человека: трактование тела по ограничивающим его поверхностям или трактование физиогномическое.—Головы античных статуй.—Фаустовские изображения нагого тела невозможны.—Портрет во Флоренции и Венеции.—Микель-Анджело и конец западной пластики.—Леонардо свободен от идеалов Ренессанса; открыватель; физиология вместо анатомии.—Сикстинская Мадонна Рафаэля—последний образец большого искусства линии на Западе.

В каждой культуре существует группа больших искусств.—В фаустовской—инструментальная музыка, в аполоновской—пластическое изображение нагого тела, как средоточие их.—Одновременность развития; идентичная длительность.—Понятие импрессионизма: физиогномика мазка кисти.—Параллели китайскому искусству: парк, музыка.—Перспектива.—Проблема *plein air*; его противоположность импрессионизму, начиная от Леонардо до Рембрандта; культура и цивилизация.—Конец западной живописи.

Концепт фаустовской музыки, Тристан и Парсифаль. Бейрейт и Пергам: концепт античной скульптуры.—Невозможность продолжения органического развития.—Александризм.—Последние стадии египетского и античного искусства.

V глава. Картина души и чувство жизни 308

I. Форма души —

Невозможность науки о душе.—Картина души в каждой культуре—функция картины вселенной.—„Душевное тело“ и „душевное пространство“ античной и западной психологии.—„Воля“, как представительница исторического чувства.—Воля к власти: душевная динамика.—Воля и характер (портрет, биография).—Античное „держание себя“ (статуя).—Аполлоновская и фаустовская трагика.—Драма положений и драма характеров (анекдотическая и биографическая)—Герой, как страстотерпец или деятель.—Понятие катарсиса и стоицизм.—Три единства: идеал формы статуи.—Дневное и ночное искусство.

Популярность и эзотеричность,—подчинение и преодоление.—„Знатоки и профаны“, как выражение энергии расстояния.—Возрастающая эзотеричность западной духовности.—Отношение произведения искусства к зрителю: арабская, китайская, западная живописные перспективы.—„Вещно-духовная картина мира.“—Расширение пространства с помощью перспективы.—Получение статуи.—Античность и западное искусство.

Африки.—Античное и северное чувство родины.—Аполлоновская и фаустовская государственные идеи.—Два вида колонизации.—Планы мирового владычества неантинны.

II. Буддизм, стоицизм, социализм 354

„Ты должен“—специфическая фаустовская форма морали (воля к власти, действие, пространство).—Античное безразличие к переменам в жизни (атараксия).—Мораль—неизменяемая структура живого бытия.—Каждая культура имеет собственную и единственную исконную форму.—Отношение к математике: „евклидовская“ и „аналитическая“ этика (этика стойкости и этика поли).—Катарсис и Нирвана.—Моральная теория и практика.—Не сострадание, а „господская“ мораль свойственна фаустовской душе: практическая динамика.—Взаимоотношение этики и логики.

Буддизм, стоицизм, социализм.—Превращение культуры в цивилизацию.—Будда, Сократ, Руссо—проповедники начинающейся цивилизации.—Трагическая и плебейская мораль.—Эсхил и Стоя, Шекспир и современность.—Культурное понятие действия и цивилизованное понятие работы.—„Возвращение к природе“ во всех трех случаях.—Первоначальный буддизм—не религия.—Он не родственен христианству.—Культура и религия, цивилизация и иррелигиозность.—Буддизм, стоицизм и социализм—родственные по форме практические мироустроения.—Метафизически-систематический и социально-этический периоды каждой философии (Индия, Античность, Запад).—Человек мирового города—объект нового способа мышления.—Риторика и журнализм.—Буддийская агитация.—Павел—противоположность Бонифация.

Два правильных воззрения на социализм, как на форму будущего и форму упадка.—Бессознательный социализм.—Все римляне бессознательные стоики.—Происхождение социализма от Канта: категорический императив применительно к политике, социальному вопросу, экономике.—Право на работу, как фаустовская параллель античному „*raison et citoyenneté*“.—Практическая статистика и динамика.—Воля к будущности и „третье царство“ (Ибсен).—Происхождение западной картины мировой истории: Древний мир—Средние века—Новое время; энергия направления.

История философии—морфологическая проблема.—Культурная философия и цивилизованная философия.—Этический период „философии без математики“.—Возрастающая незначительность метафизических вопросов, начиная с эпохи Аристотеля и Канта.—Политико-экономический характер западной этики: Школа Гегели.—Система Шопенгауэра—превосхищенный дарвинизм.—Происхождение дарвиновской теории политико-экономического.—Сверх-человек.—Ницше и Шоу: идея подбора, как последний вывод этической динамики „ты должен“.—Путь философии в XIX веке.—Последняя возможность: историко-психологический скептицизм.

VI глава. Фаустовское и аполлоновское познание природы 401

Цель естествознания сделаться чистой механикой—иллюзия.—Всякий закон природы есть число и образ.—Все основные понятия современной физики чисто фаустовской природы.—Всякое „знание“ природы находится в зависимости от предшествующей религии.—Античная физика есть статика, арабская—алхимия, западная—динамика.—Алхимия и химия.—Античная и западная теории атомов: малые формы и минимальные количества (единицы образа и единицы действия).—Стоицизм и социализм атомов; отношение к политическим формам.

Проблема движения—центр всякой физики.—Ее неразрешимость.—Элеаты.—Механика Герона.—Физическое понятие необходимости.—Причинность (закон природы)—специфическая западно-европейская формулировка.—Другие возможности.—Условность нашего понятия опыта.

Чувство Бога и познание природы.—„Сила и масса“ и стиль барокко.—Движение, как исходный пункт религии и физики.—Теория, как миф.—„Материя и форма“.—„Сила и масса“.—Бог, как высший образ или высшая сила.—Возникновение большого мифа в раннем периоде каждой культуры.—Фаустовский миф возник в 900—1200 г.г.: идентичность католических, северо-языческих и рыцарски-эпически представлений.—Олимпийский миф и геометрия тел.—Аполлоновские и фаустовские духи природы: одухотворенные предметы (нимфы) и наполненное духами пространство (эльфы).—Древне-римские боги.—Кульτ императоров—последнее религиозное создание античности.—Поздние античные культы, как магический монотеизм: претворение всех образов в принцип.

Атеизм, как отрицание определенной формы религиозности.—Христианство атеистично с античной точки зрения.—Античная нетерпимость к нарушению культа, западная нетерпимость к догматическим отступлениям (костры, гильотины).—свобода культа и свобода совести.

Фаустовская физика, как догмат силы.—Понятие силы религиозного происхождения.—Его развитие.—Переход Галлея от статики Ренессанса к динамике.

Современная физика на границе ее формальных возможностей.—Усиливающееся сомнение во всех основных понятиях.—Значение теории относительности: разрушение ньютоновской картины мира. Учение энтропии: вместе с феноменом необратимости круговых процессов проникает исторический мотив в картину природы.—Соответственно этому статистика и теория вероятности вместо точной математики.—Гипотеза о распадении атомов и идея судьбы.—Энтропия и миф о сумерках богов.

Утеч западной науки: самоуничтожение через интеллектуальное уточнение.—Возрастающее схождение физики, химии, математики и теории познания.—Конечная цель: растворение всей научной субстанции в единичное функционирование.—Чистая морфология математически-физически форм познания.—Возвращение к началу и к исходной точке скептицизма.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Книга Шпенглера „Закат Европы“ (*Der Untergang des Abendlandes*) выдержала в Германии несколько десятков изданий и имела небывалый успех у читателей. Отголоски об этом дошли и до России. Еще до издания перевода книги Шпенглера о ней уже есть довольно значительная литература на русском языке.

Успех книги объясняется однако не только блестящим изложением талантливого публициста, не только неожиданностью парадоксальных суждений и сопоставлений, но, главным образом, эпохой появления книги. Она появилась после империалистической войны, когда капиталистический мир почувствовал себя накануне „заката“.

Но неизбежный закат буржуазного общества Шпенглер рисует, как развал всей культуры, которая должна окончательно погибнуть, если... если королевское пруссачество его не спасет.

Для Шпенглера культура Европы вообще кончается культурой буржуазного строя.

Его идеология, начиненная идеалистическим интуитивизмом, ярко враждебна марксистскому мирозерцанию, представляющему полную противоположность религиозной „чертовщинке“ Шпенглера.

С этой точки зрения, книга Шпенглера, предваренная статьей т. Деборина, вскрывающей всю сущность упадочной идеологии Шпенглера, будет полезна для читателя. Нам нужно не только знать о существовании идеологического фронта революционной борьбы, но и изучить противника и уметь его побороть идеологическим же—марксистским—оружием. Надо научиться владеть этим оружием—в нем наша сила не только в непосредственной материальной борьбе, а в сотни раз в более трудной борьбе за новую культуру.

Вот причины, почему редакция издательства, стоящая на строго марксистской точке зрения, решила выпустить свой перевод книги Шпенглера с соответствующей, конечно, оценкой этого произведения.

Гибель Европы или торжество империализма?

(Доклад, прочитанный 22 января с. г. в Ц. Н. Т. К.).

Освальд Шпенглер выпустил в свет об'емистую книгу под кричащим заголовком „Гибель Запада“, выдержавшую в течение непродолжительного времени несколько десятков изданий и произведшую на читающую публику, несомненно, сильное впечатление. Шпенглер сразу вошел в моду, и признаком хорошего тона считается знакомство с его „философией“. Появись эта книга до войны, она, быть может, прошла бы незамеченной, несмотря на огромный литературный талант автора. Во всяком случае, никто бы не поверил в возможность „гибели“ западно-европейской культуры, никто из здравомыслящих людей не отнесся бы серьезно к пророчествам Шпенглера. Но мировая война создала новую обстановку: мировое хозяйство переживает тяжелый кризис, германский империализм лежит в развалинах, династия низвергнута, юнкерство потеряло свое бывшее значение, среди буржуазии и мещанства царит настроение подавленности и недовольство создавшимся положением. Очевидно, что такая общественная атмосфера является благоприятной почвой для появления пророков и для восторженного приема их разочарованной „публикой“. Вместе с нами, мол, погибает весь мир! Это своего рода идейный реванш германского национализма и империализма над ненавистными врагами...

Шпенглер задается целью создать новую философско-историческую теорию и с точки зрения этой теории подвергнуть переоценке все культурные ценности и события мировой истории. На основе метафизики истории Шпенглер стремится далее построить целостное всеобъемлющее философское мирозерцание. Каковы же его философско-исторические взгляды?

Никто никогда,—говорит со свойственной ему „скромностью“ Шпенглер,—не задумывался над проблемой и структурой истории. Будущим поколениям покажется совершенно невероятным и до крайности наивным наше представление об историческом процессе, как о прямой линии или единой нити, которая тянется от древности до нашего времени, и на которую нанизываются, так сказать, исторические события.

¹⁾ Oswald Spengler „Der Untergang des Abendlandes“, B. I.
„ „ „ Preussentum und Sozialismus.

Благодаря указанной точке зрения на исторические явления, великие морфологические проблемы истории до сих пор оставались скрытыми от наших глаз. Западная Европа представлялась центром, вокруг которого вращаются великие культуры и события мировой истории. Такое понимание истории свидетельствует только о тщеславии и высокомерии западно-европейского человека. Важнейшие события в истории древнего Египта или Китая отступают на задний план, в то время, как события западно-европейской истории приобретают для нас первостепенное значение. Мы превращаем нашу культуру в центр мировой жизни. Но с одинаковым же основанием было бы позволительно историку Китая пройти мимо крестовых походов или эпохи ренессанса, т.-е. тех событий, которые в нашей истории играют такую выдающуюся роль. Очевидно, что в этой области до сих пор довольствовались „горизонтом провинциала“. Конечно, политическому деятелю и социальному критику позволительно оценивать значение других эпох и культур применительно к личному вкусу; мыслитель же должен отрешиться от такого взгляда.

„Птоломеевская система“ истории должна быть заменена „коперниковской системой“, в которой на ряду с античным миром и Западной Европой равноправное место займут Индия, Китай, Египет. Каждая культура образует самостоятельный мир, представляет собою своеобразный организм, который „неожиданно“ рождается на свет, осуществляет заложенные в нем возможности и умирает. Культура есть внешнее выражение определенного строя собственной ей души. Кто хочет познать истинную природу и своеобразный характер культуры, тот должен проникнуть в ее душу, составляющую сущность культуры. Каждый культурный организм представляет собою самостоятельную замкнутую систему, живет своей особой жизнью и создает свои ценности, свою науку, искусство, технику, социальные и политические учреждения. Никакой преемственности, никакой внутренней связи между культурами не существует. Античный мир погиб безвозвратно, как безвозвратно погибнет Западная Европа, никому не передав своего наследства. Человечества, как единого субъекта мировой истории, не существует. Каждый культурный организм имеет свою историю, ничего общего не имеющую с исторической жизнью других культур. Такая точка зрения, — говорит Шпенглер, — вскрывает перед нами „все богатство красок, движений, света, которое до сих пор не открывалось ни одному духовному взору“. Все, что до сих пор говорилось и писалось о проблеме времени, пространства, движения, собственности, является ошибочным, потому что предполагалось, что всем людям присущи одинаковые формы сознания. А между тем, форм сознания“ существует столько же, сколько отдельных культур или лежащих в их основе душ.

Культурно-психический тип рождается из хаоса с определенным религиозным настроением, которым проникнута вся его творческая деятельность. Всякая наука вплоть до самых точных, как математика или механика, предполагает, как свою основу и исто-

ник, религию. Западно-европейская механика,—вещает наш оракул,—является отражением христианских догматов. Современное естествознание есть ничто иное, как функция именно нашей культуры. Оно не только предполагает религию, как источник, из которого оно возникло, но оно постоянно от нее зависит и ею обуславливается. Без религии нет культуры.

Жизнь культурного организма состоит в непрестанной борьбе духа или души против внешнего материального мира. Душа стремится к осуществлению своей „идеи“, своих внутренних возможностей — к объективации переживаний в царстве протяженного. Душа есть чистое становление; сущность ее состоит в непрестанном творчестве, непрекращающейся деятельности. Продукты же этой деятельности составляют совокупность символов, данных в опыте, но представляющих только видимость, внешнее отражение лежащей позади них сущности. Какое-нибудь украшение, напр., на саркофаге является символическим выражением определенного душевного настроения, которое доступно только людям данной культуры. Начиная от телесных выражений—физиономии, осанки, жестов как отдельного лица, так и целых классов и народов,—вплоть до форм хозяйственной, политической и общественной жизни или мнимо-вечных и общеобязательных форм познания—все это представляет собою не что иное, как своеобразные символы или формы выражения данной души. Совокупность символов составляет физиономию культуры, чувственный образ души. Но этот чувственный образ доступен „восприятию“ и познанию людей, принадлежащих к данной культуре. Мы способны постичь душу египтян или индусов самым несовершенным образом. Когда мы, люди западной культуры, принимаемся интерпретировать египетскую или греческую статую, мы прибегаем к помощи нашего внутреннего опыта, который совершенно не соответствует опыту и переживаниям египтянина или грека.

Первичным символом всякой культуры является пространство, которым определяется характер и природа всех остальных символов, т.е. всех внешних форм культуры. Каждый культурно-психический тип переживает и чувствует пространство по своему. Понятие пространства тесно связано с идеей смерти, ибо страх смерти равнозначущ со страхом перед пределом—перед пространством. „Геометрическое“ пространство грека или аполлоновской души противоположно „аналитическому“ пространству фаустовской души, т.е. западно-европейского человека. „Геометрическая“ душа античного человека стремится к покою и сосредоточивает свое внимание на конечном, мгновенном и телесном. Фаустовская же душа характеризуется стремлением к бесконечному и волей к власти. Эти основные свойства проникают все феномены культуры. Отсюда коренное отличие античной математики, физики, механики, искусства от современных западно-европейских.

Античный дух создает механическую статику; западно-европейский—механическую динамику. В математике фаустов

ский дух выражается в понятии функции, которая растворяется в ряде процессов. Аполлоновская душа имеет представление о числе, как об определенной и конечной величине; это в известном смысле пространственное понятие. Античный мир вкладывал в понятие движения представление „перемещений“, между тем как фаустовский дух в идее движения видит „направленность“ к бесконечному. Три механические системы—статика, химия и динамика соответствуют различию трех культурно-психических типов: аполлоновскому, магическому (арабскому) и фаустовскому. Им же соответствуют и три различные математические концепции: эвклидова геометрия, алгебра и анализ. В области искусства мы имеем: статую, арабеску и фугу; в физике—механический порядок состояний, скрытых сил и процессов. Словом, аполлоновская душа отличается статическим характером, фаустовская—динамическим.

Атомы древних материалистов—Левкиппа и Демокрита в соответствии с основным принципом аполлоновской души различаются друг от друга только формой и величиной; это чисто пластические элементы. Атомы современной западно-европейской физики—центры сил; их неделимость имеет особый имматериальный смысл. Основным для западно-европейского человека является понятие силы, движения, прогресса, воли к власти; основным для античного—понятие формы, покоя, ограниченности.

Единством души определяется внутренняя связь всех феноменов культуры. „Между дифференциальным исчислением и династическим государственным принципом Людовика XIV, между античным городом („полисом“), как формой государства, и эвклидовой геометрией, между пространственной перспективой, западно-европейской живописью и преодолением пространства при помощи железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий, между контрапунктической инструментальной музыкой и кредитной системой существует глубокая связь форм“. (Единство метафизики, математики, религии, физики, искусства, техники определенной культуры коренится в единстве ее „души“ или „идеи“). Насколько Шпенглер в этой части своего мировоззрения близок к Гегелю, освещенному читателю ясно без особых разъяснений.

На ряду с принципом единства „форм“, образующих в своей совокупности образ или физиономию культуры, составляющую специфический предмет исследования историка или философа культуры, особое место в исторической теории Шпенглера занимает принцип аналогии или, точнее, гомологии. При помощи этого принципа мы получаем возможность сопоставлять механические, физические, политические и т. д. системы различных культур и определять их сравнительное значение для данных культурных организмов. При помощи принципа аналогии мы в состоянии установить безошибочно возраст культуры, еще не закончившей цикла своего развития, сравнивая ее с культурой, отошедшей уже в вечность. Мы должны заметить, что Шпенглер берет своей задачей сравнительное